

МАЛЕНЬКИЙ

ОЛЬГА САНИНА
Родилась в 1977 году, окончила Московский авиационный институт. Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела релятивистской астрофизики ГАИШ МГУ

имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры «Небесная механика, астрометрия и гравиметрия», шеф-редактор БРЭ, переводчик, художник-иллюстратор. Автор более 120 научных работ по космологии, астрофизике.

*...Это семь лебедей,
Это семь лебедей Лоэнгерина.*

Андрей Белый. Серенада

Он открыл глаза. И сразу закрыл их ладошками. Потому что лампа ярко светила. Но и сквозь ладошки она немножко светила. Розовым. Как ночник в спальне. Он убрал ладошки и снова посмотрел на лампу. Нет, это не ночник. Может, и ночник, но точно не его ночник. Потому что не на стенке, а на полу, около матраса. На ножке и подставке. Значит, это не дома. Тогда это в садике. Вот и матрас в цветочках. Голубых и розовых. Точно как в садике. Ой, матрас-то не на кровати. Тетя Таня перепутала, наверное. Он вспомнил руки нянечки, большие, теплые. Руки ловко заправляли кровати, наливали суп и легонько трепали по голове, когда он баловался. Но вообще-то он послушный, вот! Только любопытный. Это только кошек убивает любопытство. А детей – нет. И вообще, никто детей не убивает. Детей любят!

Он пощупал матрас. Какой же матрас грязный, в темно-красных засохших пятнах. Варенье, что ли? Он понюхал, но ничем не пахло, пятна старые. Нет, тетя Таня такой матрас не положила бы. И вообще, нет здесь тети Тани, домой ушла. Потому что ночь.

Кроме маленькой лампы, круга света на полу и кусочка матраса он ничего не видел. Дальше было все темно-темно. Мама и папа ждут же его. А он тут чего спит? Зачем тут спать? Надо домой. Папа обещал вечером поиграть в семь лебедей.

Он хотел тут же встать с матраса, но не смог и упал. За ногу что-то держало. А что – не видно. Матрас большой, как для взрослого. Не матрас, а цветочное поле. Лежит, лежит – и теряется где-то в темноте. Потому что лампа маленькая. Он вытянулся во весь рост, дотянулся до лампы и подтащил ее за ножку поближе. Потянулся, зашелестел шнур, к которому лампа была привязана где-то там, в темноте. За саму лампу брать нельзя, потому что горячая. Он дома так схватил однажды. Ой было! Но не плакал, нет. Он же храбрый. Мама поливала ему пальчики холодной водой и жалела. А здесь нет воды... Ему сразу захотелось пить. Он снова хотел встать и опять упал. Да что такое! Его собственная нога, не ламповая, была крепко привязана веревкой к кольцу в стене.

Он помнил, что в садике все дети гуляли после полдника. А потом, сквозь прутья ворот, его позвал по имени какой-то дядя. Он знал, что нельзя разговаривать с незнакомыми. Но дядя сказал, что от мамы. И зонтик показал, как у мамы. А потом вдруг полил дождь, такой сильный, что ничего не было видно. И тогда он подошел побли-

же – ведь дядя от мамы и у него зонтик. Он сам, как большой, открыл ворота изнутри, там такая кнопка есть, он знал какая... А потом он проснулся здесь. Надо к маме! И папа обещал поиграть в семь лебедей!

Он сердито подергал ногу, но веревка держала крепко. Наверное, это игра такая. Ладно. Посопел, огляделся. Рядом стоял пузатенький горшок, накрытый крышкой. А, это если пописать. Тут же лежали блестящие пакетики. Он потянулся, достал. Две пачки вафель. Ему такое нельзя, там орехи. Вот, белка нарисована, с орехом в лапах. Снова подергал ногу – вдруг веревка устала держать. Но веревка не устала. А он уже хотел не только пить, но и кушать. Подумал, зашуршал упаковкой, доставая вафлю. Если выковырять из нее все орехи и съесть без них, то у него не будет красных пятен на руках и щеке и мама не отругает. Принялся выковыривать орехи, роняя сладкие крошки на матрас и на пол.

Кто-то быстро пробежал в полутьме. Не мышь, это точно. Мыши маленькие, бегают как крошечные клочки шерсти, на которые сильно дунуть. А этот кто-то – большой. Как целая кошка. Вот у маминой подруги кошка – ой да! Такая огромная, что на этой кошке спать можно. Он снова услышал топоток лап. Этот кто-то, наверное, тоже кушать хочет. Он отломил половинку вафли и бросил в темноту. Наступила тишина. Снова топот и потом хруст. На него из темноты взглянули два больших красных глаза. Глаза-фонарики!

– Ты кто? – спросил он глаза и дружелюбно протянул руку с вафлей. – Я – маленький. А ты кто? Вафлю хочешь?

Из темноты начала выходить крыса. Сначала нос и усы. Потом уши. Потом шло и шло все остальное. Пока наконец не начался хвост – розовый, очень длинный, длиннее лампового шнура. Крыса вылезла, но ближе не подходила. Только тоскливо и просительно смотрела на него.

Он с интересом ее разглядывал.

– Ой, да ты мышь большая! Значит, тебе надо много кушать. Еще вафлю хочешь?

Крыса поднялась на задние лапы.

– Хорошо... – выдохнула крыса.

– Конечно, хорошо. Потому что вафля вкусная, – рассудительно согласился он.

Со взрослыми он старался говорить солидно, как большой. А эта мышь была взрослая. Потому что в брюках и пиджаке. Маленькие такое не надевают, потому что в пиджаке очень неудобно валяться на полу и поднимать руки вверх, когда из

пистолета стреляешь. А хвост оказался не хвост, а непонятная палка. Мышь держала эту палку двумя передними лапами.

– Ты... слышишь меня? – негромко спросила крыса.

– Конечно, слышу. Ты же говоришь, вот я и слышу.

Красные глаза крысы были похожи на бусинки. Но когда он ответил – глаза преобразились, осветлели, стали осмысленными. Морда крысы заметно оживилась.

– Не бойся, мышь, иди сюда. Я мышей не бью, я только мух бью, газетой. Ну... если попаду. Но я обычно попадаю. Я меткий!

Крыса криво, неумело улыбнулась, растянув рот над остренькими зубами. Крысиная морда как будто осваивала человеческую мимику: улыбка перешла в напряженную, озабоченную гримаску. Крыса чего-то ждала. Волновалась, что этого чего-то не произойдет.

– Мышь, порежь эту веревку, пожалуйста. Мне не нравится, как веревка играет. Или погрызи ее. Вон какие у тебя зубы!

Крыса просияла. Переместилась к нему в один миг и перехватила зубами веревку. Переступая задними лапами на матрасе, встала ровнее, расправила плечи. Пригладила руками шерсть на голове, поддернула брючки, поправила пиджак.

Он снова поглядел на мышь. Что там у мыши за палка? Длинная, прямая, блестящая... Красивая. И крепкая, похоже. Может, железная? Да нет, палка как палка.

Он вздохнул.

– Ты хорошая мышь. Но я не могу играть сейчас с тобой. Меня мама ждет. Я пойду.

И огляделся. Двери не было. То есть... нет, дверь, конечно, где-то была – иначе как бы он сюда попал. Но двери было совсем не видно, потому что кроме лампы, пятна света на каменном сером полу, грязного матраса, куска таких же грязных обоев и мыши он по-прежнему ничего не мог различить.

– Пойдем, мышь, – сказал он крысе. – Покажи мне дверь. Ты же тут живешь и знаешь. Знаешь?

– Знаю, – сказала крыса. – Я знаю, где дверь. Только открыть не могу. И я крыса.

– Мама всегда говорит, стучаща... стучающе... если стучать, то отворят, вот. Пойдем, найдем дверь и постучим, мышь Крыса.

И они пошли. У Крысы был фонарик, но совсем крошечный, освещавший дорогу всего на два-три шага вперед.

– Мне бы тапочки, – пожаловался он Крысе. – Пол холодный... Смотри там! Пушистое что-то! Может, там тапочки?

Крыса думал о том, что предыдущий мальчик, которого притащили сюда, испугался, увидев красные глаза в темноте. Испугался так сильно, что заорал, швырнул в глаза связку своих тяжелых ключей. Крыса получил глубокий кровотокающий шрам на лбу, поэтому медлил, плохо соображал. Крыса и так-то плохо соображал – до тех пор, конечно, пока не начинали разговор. Но этот маленький начал разговор. И даже смог увидеть Паука. Быть может, на этот раз все получится. Пусть хоть один-единственный раз все получится!

Он быстро отбежал в сторону, где еще сохранялось чуть-чуть света. Когда бежал, старался поднимать ноги почаще, чтобы не так мерзли. Увидел большую темную горку. Встал на цыпочки, протянул ладошку, потрогал сверху. Горка немного дышала и от этого поблескивала.

– Ты кто? – спросил он. – Я – маленький. А ты кто?

Горка заколыхалась, развернулась, выпустив с двух сторон по четыре ноги.

– Это Паук, – сказал Крыса.

– А тапочки у Паука есть? Не пауковые, а такие, для меня.

Паук посмотрел на Крысу. Ну, наверное, посмотрел, потому что у него было слишком много глаз. Крыса кивнул.

– Есть, – сказал Крыса. – Паук даст.

Паук завозился и выставил пару больших тапок. Ношенных и довольно грязных. На них можно было разобрать рисунки вертолетиков.

– Прости, других нет, – сказал Крыса.

– Ничего! Их же можно в машинке потом постирать. – Он надел тапочки, и сразу стало теплее. Его маленькие ножки утонули в тапках по щиколотки.

– Мышь Крыса, а тапочки чьи? Другого мальчика? А мальчик где? Ушел?

– Нет. Не ушел... – тяжело роняя слова, сказал Крыса.

– Почему?

– Тот мальчик... – Крыса откашлялся и поправил воротник рубашки, как если бы ему вдруг стало трудно дышать. – Тот мальчик не услышал нас, когда мы позвали. Не стал с нами говорить... как с людьми. И не пошел с нами к двери.

– А где же тогда тот мальчик?

– Мальчик... спит.

– Да где же? – Он огляделся, но по-прежнему видел только мышь Крысу, Паука и свои новые тапочки. Вообще-то старые, но новые.

– Там. – Крыса дернул щекой и неопределенно махнул рукой в темноту.

– Разбудим мальчика?

– Нет.

– Ладно, пусть тогда спит. – Он немного подумал. – Тот мальчик не услышал вас. А я слышу. Почему?

Крыса улыбнулся. Почти с нежностью, отчего в уголках тонких губ залегли морщинки. Но глубоко запавшие голубые глаза Крысы оставались застывшими озерами скорби. Глаза видели такое, после чего уже никогда не засмеются. Никогда.

– Ты маленький. А тот мальчик был старше. Тот мальчик... и все другие дети до тебя. Они видели в нас только крысу и паука. Они не давали вафли, не просили тапочки.

– Ладно, – сказал он и почесал нос. Крыса говорил сложно. – Тогда пойдем. Я кушать и пить очень хочу.

И они пошли дальше.

Крыса думал о том, что предыдущий мальчик, которого притащили сюда, испугался, увидев красные глаза в темноте. Испугался так сильно, что заорал, швырнул в глаза связку своих тяжелых ключей. Крыса получил глубокий кровотока-

щий шрам на лбу, поэтому медлил, плохо соображал. Крыса и так-то плохо соображал – до тех пор, конечно, пока не начинали разговор. Но этот маленький начал разговор. И даже смог увидеть Паука. Быть может, на этот раз все получится. Пусть хоть один-единственный раз все получится!

Мальчик сосредоточенно топал рядом с Крысой. Ногам было тепло. Он думал о яблочном пироге, который мама обещала испечь сегодня. На ходу погладил паука по лапе – хотелось понять, какой паук, холодный или мягкий.

– Какой ты пушистый! – сказал он пауку. – Мама мне книжку читала, про такого, как ты. Это был добрый паук. Дружил с муравьями, ящерицами. С другими жуками тоже дружил. Дрался с плохими осами, ой да! Хочешь вафельку? У меня есть, вот. Это запас, конечно, но ладно уж. Там орехов много. Мне все равно нельзя.

Паук вздрогнул. Все восемь глаз сфокусировались на вафельке, приобрели вполне человеческое выражение. Паук поджался, вытянулся и встал на две задние ноги, скрестил четыре передних на широкой мохнатой груди, а две оставшиеся протянул за угощением.

Когда Паук все съел, они пошли снова. Они шли и шли, и маленький кружок света от фонарика Крысы плясал впереди.

– Мы что-то долго идем, – сказал он. – Я никогда не был в такой большой комнате.

– Мы идем по кругу, – сказал Паук.

– Зачем по кругу? Так мы никуда не придем.

– Потому что мы еще не умеем открывать дверь. Найдем дверь – не стучи. Здесь нельзя стучать, – сказал Крыса, как бы невзначай вертя в свободной руке свою палку и стараясь, чтобы она чаще попадалась маленькому на глаза.

– Ладно. Но давайте уже научимся и откроем. Вы хорошие, но меня мама ждет... Ой, постойте! Там кто-то есть опять!

Он снова отбежал в сторону, где оставалось немного света. Остановился. Сделал еще шагочек вперед.

– Что это такое, я никак не пойму...

Паук слегка толкнул Крысу в бок, многозначительно приподнял мохнатые брови, а сам Крыса впился коготками в свою ладонь. От волнения у Крысы вспотел кончик носа.

А маленький все рассматривал, переминаясь ножками в огромных тапках.

– О, – вдруг сказал он. – О! О!

И он с восторгом, снизу вверх, воззрился на Сегодня-День-Рождения.

– Теперь мы можем идти. Уже почти все, – тихо сказал Паук Крысе. – Но нам лучше поспешить. Нам нельзя потерять и его! Мы себе этого никогда не простим.

– Пойдем, – кивнул Крыса. Голос Крысы немного дрожал. Ведь они были так близко!

И они пошли все вчетвером. К далекой полоске света под дверью.

Теперь он топал гораздо бодрее. Сил прибавилось! Как будто он только что выпил кружку холодного мамино компота и съел большущий кусок яблочного пирога. И новые друзья такие замечательные! Паук, в доспехах и шлеме, и Крыса со своей палкой... На что же так похожа эта палка? Каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на палке Крысы, палка расплывалась, розовела, иногда снова напоминая обычный мышиный хвост. Крыса незаметно, но очень внимательно ловил его взгляды на палку, и лицо Крысы становилось озабоченным. Паук тоже хмурился. Сжимал и разжимал огромные кулаки, каждый палец, закованный в железо. Временами беспокойно вскидывал голову, отчего лязгало забрало на шлеме с тяжелым гребнем.

Они шли и шли, и в какой-то момент идти стало светлее – впереди побежали семь пухлых белых пятен, совсем не похожих на свет фонарика.

– Это что? – спросил он Крысу, показывая пальчиком. – Что это за толстые белые попы в перьях? Это... это гуси, да?

– Почти, – заулыбался Крыса. – Это твои семь лебедей.

– Да! Правильно! – обрадовался он. – В них я и хотел играть сегодня с папой. Ура!

– Отлично, – снова прошептал Паук Крысе. – Он видит лебедей!

Крыса не разделял оптимизма Паука, хотя очень хотел надеяться на лучшее. Крыса покачал головой, тревожно провел по лицу тыльной стороной ладони, все так же сжимая свою палку.

– Но самого главного он все еще не видит, – тоже тихо ответил Крыса Пауку. И оба посмотрели на него.

А он спешил, не чувствуя усталости. На три его шажка приходился один шаг Сегодня-День-Рождения.

Дверь была все ближе.

Внезапно дверь распахнулась, ослепив его светом. Потом в этом свете что-то появилось.

Если бы не Сегодня-День-Рождения, он увидел бы того самого дядю, которого встретил у садика, когда все дети гуляли после полдника. Дядю

уже без зонтика, с бутылкой в руках и липкой гримасой на морде. И ощутил бы смрадную вонь от этого дяди, в морде которого не было ничего человеческого, в отличие от Крысы и Паука. Но рядом с ним стоял Сегодня-День-Рождения, и поэтому он увидел просто Нечто. Нечто такое, чему он ни за что на свете не захотел бы сказать никакой «привет». И это Нечто медленно надвигалось на него, не давая пройти.

Паук закрыл его своим телом. Крыса закричал, повернув к нему отчаянное лицо и держа в руке свою длинную прямую палку.

- Посмотри! Посмотри, пожалуйста.
- На что мне надо посмотреть, мышь Крыса?
- На это, на это! – Крыса стискивал свою палку так сильно, что пальцы Крысы побелели. – Никто не сможет, кроме тебя!

Страшная тень Нечто в дверном проеме махнула чем-то или ударила, он не разобрал. Паук стоял еще несколько секунд, а потом рухнул на колени, страшно лязгнув доспехами, но продолжая закрывать его своим телом, потому что, даже стоя на коленях, был высок и широк в плечах. Голова Паука в шлеме с тяжелым гребнем поникла.

- Я помогу тебе, храбрый рыцарь! – воскликнул он. Ему не было страшно, потому что Сегодня-День-Рождения не отходил от него ни на шаг. Но ему было очень жаль храброго Паука. – Я... Я тоже храбрый! Я тоже рыцарь!

И в ту же секунду он наконец увидел: палка Крысы превратилась в сияющий меч. Такой тяжелый, что худенький Крыса перехватил этот меч обеими руками и, прокрутив дугу, обрушил на врага. Рядом захлопали крыльями лебеди, набросились на поверженного, принялись бить его клювами.

- Ой да! Победа! – закричал он радостно. – Наши победили! Ура!
- Иди домой... маленький. – Крыса плакал, утирая слезы рукавом пиджака. – Тебя ждут мама и папа.

Сегодня-День-Рождения подхватил его на руки. Мальчик уцепился за его шею и затих. И, кажется, немножко заснул. Потому что проснулся от маминого голоса. Она что-то бормотала, захлебываясь слезами, говорила много-много быстрых невнятных слов. Тут же стоял и папа, на коленках перед ним, и гладил, и гладил его по голове, и обнимал. И тоже плакал.

- Ну чего вы, ну чего? – все повторял он и тоже решил было поплакать, но подумал: с какой стати? Все же хорошо. Только кушать хочется. И пить!

А потом к нему подошел полицейский, в такой же форме, как у папы. И спросил, кто его привел домой.

- Сегодня-День-Рождения! – радостно выпалил он.

Мама с папой принялись разговаривать с полицейским, и они еще долго разговаривали, только уже с одним папой, а мама напоила его компотом, выкупала в ванне, снова напоила компотом и дала большой кусок яблочного пирога. Потому что сегодня ему исполнилось целых пять лет.

